

УДК 902

**А.В. СЕМЕНОВА**  
(alice.002@mail.ru)

*Волгоградский государственный социально-педагогический университет*

## **МАРКЕРЫ ПЕРЕХОДНЫХ ОБРЯДОВ ДЕТСТВА В РАННЕСАРМАТСКОМ ОБЩЕСТВЕ (по материалам курганного могильника Первомайский VII)\***

*Рассматривается методологическая проблема изучения переходных обрядов детства в раннесарматском обществе, основываясь на материалах детских погребений Курганного могильника Первомайский VII. Анализ погребального инвентаря позволил выделить три ключевых возрастных этапа: до 5 лет, 5–12 лет и старше 12 лет. Основное внимание уделено интерпретации погребального инвентаря как маркера изменения социального статуса внутри этих периодов.*

**Ключевые слова:** *раннесарматское общество, инициация, переходный обряд, могильник Первомайский VII, детские погребения, социализация.*

Изучение обрядов перехода, в частности инициаций, в древних обществах сопряжено с фундаментальными методологическими трудностями, особенно при попытке реконструкции на основе археологических данных. В отличие от этнографически фиксируемых комплексов, где доступны непосредственные наблюдения за ритуалом и его символическим наполнением, археология оперирует преимущественно материальными следами, чаще всего – погребальным инвентарем. При этом ключевая проблема заключается в различении обрядов, знаменующих простое изменение возрастной категории в рамках жизненного цикла, и собственно инициаций, предполагающих глубокое преобразование социальной личности и посвящение в сакральное знание или закрытую «корпорацию». Данное различие, теоретически обоснованное в социальной антропологии, на практике археологического анализа часто оказывается размытым, что требует особенно тщательного подхода к интерпретации погребальных комплексов.

При исследовании возрастных аспектов инициации в кочевых обществах на основании археологического материала возникают существенные методологические сложности.

Во-первых, трудность заключается в интерпретации пола и возраста погребённых в публикациях. Возрастные категории часто обозначаются обобщённо – «ребёнок», «подросток» – без уточнения даже примерного возраста [7, с. 55]. В лучшем случае указываются диапазоны, такие как «5–7 лет».

Во-вторых, существует проблема излишне широких возрастных групп, выделяемых исследователями. Например, В.М. Клепиков, анализируя детскую погребальную обрядность раннесарматского времени, разделяет индивидов всего на две категории: дети (от младенчества до 9 лет) и подростки (10–15 лет) [3, с. 31]. Такая градация нивелирует потенциальные различия в обряде, которые могли соответствовать ключевым этапам социализации и инициаций в разные годы внутри этих больших промежутков.

Яркой иллюстрацией последствий этой проблемы является трактовка находок оружия в детских погребениях. Как отмечает тот же автор: «Оружие в детских погребениях встречается довольно редко, но ..., что особенно любопытно, в двух случаях у ребенка и подростка» [Там же, с. 32]. Однако оружие является важным маркером возможного обряда инициации, символизируя либо статус юного воина, признанного обществом, либо выполняющее ритуальную функцию. Без точного возраста остаётся неясным социальный смысл данной находки: было ли оружие положено в 9 лет, в 3 года или в 10 лет? Каждая из этих возрастных точек может принципиально по-разному интерпретироваться в контексте становления личности в кочевом обществе.

Таким образом, существующая практика публикаций и анализа палеоантропологических данных зачастую не учитывает необходимость детальной возрастной стратификации. Это существенно огра-

\* Работа выполнена под руководством Гузиной А.А., ст. лаборанта НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ», соискателя ученой степени кандидата исторических наук ИА РАН.

ничивает возможности реконструкции процессов социализации и, в частности, выявления возрастных рубежей инициации, которые требовали бы точного, по возможности погодного, определения возраста индивидов.

Для решения обозначенных проблем в рамках данного исследования был привлечен материал Курганного могильника Первомайский VII, чье изучение является частью многолетней археологической традиции Волгоградской школы археологии [6]. На основе анализа этих материалов, а также существующих антропологических и этнографических данных, была сформирована гипотеза: различия в погребальном обряде детских захоронений позволяют выделить три возрастные категории, соответствующие ключевым этапам социализации и изменению социального статуса ребенка в данном обществе.

Среди анализируемых раннесарматских погребений Курганного могильника Первомайский VII зафиксировано 8 детских погребений при 24 взрослых захоронениях.

### **1. Младенцы и дети младшего возраста (до 5 лет).**

Для этой группы характерен предельно упрощенный погребальный обряд, резко контрастирующий со взрослым. В Курганном могильнике Первомайский VII зафиксировано одно такое погребение ребенка 5–6 месяцев (курган 39, погребение 4), где у стенки подбоя лежали лишь две половинки отремонтированной глиняной мисочки [7, с. 41]. Практическое отсутствие погребального инвентаря в этой категории может быть интерпретировано через призму социального статуса. В столь юном возрасте, особенно в период младенчества, ребенок, вероятно, еще не воспринимался обществом как сформировавшаяся личность, обладающая социальными связями и личной собственностью. Его статус был производным от статуса родителей. Минимализм обряда может отражать не только возраст, но и, возможно, особые представления о загробном мире для душ, не прошедших этап социализации.

### **2. Дети от 5 до 12 лет.**

Начиная с 5-летнего возраста погребальный обряд демонстрирует качественные изменения. Для этой группы он достаточно разнообразен. К ней отнесены 4 погребения, среди них 2 индивидуальных захоронения, одно парное и одно коллективное. Ключевым отличием является появление предметов, которые можно маркировать как детские или игровые, не встречающиеся в инвентаре взрослых. Например, в погребении 2 кургана 50 обнаружена антропоморфная фигурка из мела с прочерченными чертами лица – возможная детская игрушка [Там же, с. 55]. Также встречаются ракушки, мел с насечками. Эти предметы, скорее всего, отражают мир детства и процесс социализации через игру. Важно отметить, что в этой возрастной категории в Курганном могильнике Первомайский VII практически не зафиксировано оружия (кроме единичного случая в коллективном погребении, где нож находился у ноги взрослой женщины) [Там же, с. 29]. Это отличает ее от следующей возрастной группы и указывает на то, что дети 5–12 лет, возможно, еще не приобрели качественно иной, «взрослый» социальный или воинский статус.

### **3. Дети старше 12 лет.**

На рубеже 12 лет в погребальном обряде происходят изменения, свидетельствующие о приобретении нового социального статуса. Появление оружия в погребениях этой возрастной группы является ключевым маркером. Находка бронзового трехлопастного втульчатого наконечника стрелы в погребении подростка 12–13 лет (курган 39, погребение 10) крайне показательна [Там же, с. 42–43]. Она, возможно, свидетельствует о том, что индивид этого возраста уже прошел обряд инициации и был признан полноправным воином. Этот факт может указывать на возраст социального взросления в раннесарматском обществе, когда подросток начинал нести воинские обязанности и получал соответствующие атрибуты. Изменения в инвентаре отражают его интеграцию в производственную и социальную жизнь общины на новых правах.

Данные других исследователей подтверждают важность рубежа 12–14 лет. Е.А. Коробкова, анализируя половозрастную структуру, пришла к выводу, что «детство» в раннесарматском обществе продолжалось до 12–14 лет, на что указывает высокая частота коллективных погребений детей именно этой возрастной категории [5, с. 233]. Она же предположила, что первый этап социализации (от-

деление от матери) мог происходить около двух лет, а следующий переходный период – в 6–8 лет, с чего в погребальном инвентаре начинают встречаться пряслища и кинжалы [5, с. 233].

Вопросы взросления рассматривал и В.М. Клепиков. Он отмечал, что оружие встречается в погребениях детей, начиная с 3 лет, хотя и носит, вероятно, символический характер (согнутые кинжалы, обломки мечей, малое количество стрел) [4, с. 287]. Это подтверждает ранее обозначенную проблему интерпретации оружия в детских захоронениях без точного возраста.

Если обратиться к антропологическим материалам, то можно заметить некоторые различия в характере патологических изменений у детей и взрослых людей среди раннесарматского населения.

Существует ряд антропологических индикаторов, которые присущи в значительно большей степени детям, чем взрослым. К ним относятся, прежде всего, признаки железодефицитной анемии, частота которой в детской выборке достигает 54%, в то время как у взрослых мужчин этот показатель составляет 15%, а у женщин – 25% [8, с. 57]. Столь же выражена разница в частоте неспецифических воспалительных процессов на костях посткраниального скелета, которые фиксируются у 42% детей, тогда как у взрослых этот показатель существенно ниже [Там же]. Эти маркеры связаны с высокой уязвимостью детского организма. Их преобладание в младших возрастных группах свидетельствует о тяжёлых условиях роста и развития, но не о специфической социальной или профессиональной активности.

С другой стороны, существует комплекс антропологических маркеров, которые отсутствуют у детей и фиксируются преимущественно у взрослого населения. К ним относятся:

- признаки хронического холодового стресса (вазкуляризация костной ткани по типу «апельсиновой корки»), отмеченные у 64% взрослых (до 80% у мужчин) и не обнаруженные у детей [8, с. 58];
- выраженные дегенеративно-дистрофические патологии суставов и позвоночника (артрозы, остеофитоз, узлы Шморля), достигающие пика в зрелом и пожилом возрасте. Их связывают с профессиональной физической нагрузкой, в первую очередь – с верховой ездой [Там же, с. 59–60];
- эндокринные нарушения (внутренний лобный гиперостоз), интерпретируемые, в частности, как возможные маркеры тучности, которые зафиксированы только у взрослых (8 случаев, из них 7 у мужчин) [Там же, с. 58].

Для формирования этих хронических и накопительных изменений требуется длительное время. Поэтому, хотя они и характеризуют взрослых как сложившихся профессиональных всадников и воинов, на их основе нельзя напрямую судить о возрасте начала этой деятельности.

Однако, ключевую информацию в этом контексте предоставляет травматизм. Данные показывают, что в детской выборке травмы почти не зафиксированы, но в материалах исследований сообщается о травмах костей свода черепа у подростка (12–15 лет) [1].

Исходя из этого, можно предположить, что с возраста 12 лет подростки начинали активно вовлекаться в боевую деятельность.

Для более полной интерпретации археологических и антропологических материалов раннесарматского общества целесообразно привлечь этнографические данные из жизни кочевых народов, занимавших сходную экологическую нишу в более поздние исторические периоды. В этом контексте особенно показательны данные по калмыкам, сохранявшим кочевой уклад до Нового времени.

Трудовая и социальная социализация детей у калмыков начиналась достаточно рано. В возрасте 7–10 лет мальчик, уже уверенно державшийся в седле, начинал помогать в пастбе скота и других мужских работах, а девочка становилась помощницей матери в домашнем хозяйстве [2, с. 51]. Эта практика отражает раннее вовлечение детей в производительную деятельность, что, вероятно, было характерно и для ранних кочевников, включая сарматов. Однако начало активной трудовой деятельности ещё не означало приобретения полного социально-взрослого статуса.

Также, в калмыцких законах 1640 г. устанавливался минимальный брачный возраст для девушек в 14 лет [Там же, с. 53]. Формальное установление такого рубежа указывает на признание обществом достижения определённой социальной и физической зрелости.

Таким образом, на основании проведённого исследования можно сделать следующие выводы, которые служат отправной точкой для дальнейших исследований возрастных переходов в раннесарматском обществе.

Возраст около 3 лет мог символизировать первый социальный рубеж – возможно, ритуализированное отделение от матери или включение в семейную общину на новых началах, что гипотетически может отражаться в единичных случаях символического оружия в погребениях.

Возраст 7–11 лет мог знаменовать начало вовлечения в хозяйственно-бытовую деятельность и гендерную социализацию, что, вероятно, фиксируется появлением в инвентаре предметов труда (пряслица).

Возраст 12–13 лет являлся ключевым порогом взросления, связанным, судя по появлению полноценного оружия и травматизму в антропологических материалах, с прохождением воинской инициации и обретением нового социального статуса полноправного члена общины.

### Литература

1. Балабанова М.А., Клепиков В.М., Коробкова Е.А. [и др.] Половозрастная структура сарматского населения Нижнего Поволжья: погребальная обрядность и антропология. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015.
2. Батмаев М.М. Калмыки в XVII–XVIII веках: События, люди, быт: в 2-х кн. Кн. 1: Восхождение на гору Сумеру. Элиста: Калмкнигоиздат, 1993.
3. Клепиков В.М. Погребальная обрядность в раннесарматское время // Половозрастная структура сарматского населения Нижнего Поволжья: погребальная обрядность и антропология. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. С. 18–48.
4. Клепиков В.М. Половозрастной анализ и моделирование социальной структуры раннесарматского общества // Курганский могильник Перегрузное I: результаты междисциплинарных исследований. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2014. С. 283–287.
5. Коробкова Е.А. Ритуал и традиция погребального обряда сарматского общества: этноархеологический аспект // Половозрастная структура сарматского населения Нижнего Поволжья: погребальная обрядность и антропология. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. С. 230–246.
6. Мамонтов В.И. Волгоградская археология родилась в ВГПИ // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2011. № 9(63). С. 142–145.
7. Мамонтов В.И. Древнее население Левобережья Дона: (По материалам кург. могильника Первомайский VII). Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2000.
8. Перерва Е.В. К вопросу о палеопатологических особенностях у сарматов IV–I вв. до н. э. с территории Нижнего Поволжья и Нижнего Дона // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2015. № 5(35). С. 53–66.

ALISA SEMENOVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

### THE MARKERS OF TRANSITIONAL RITES OF CHILDHOOD IN THE EARLY SARMATIAN SOCIETY (on the basis of the Pervomaysky VII burial ground)

*The methodological issue of studying the transitional rites of childhood in the early Sarmatian society is considered on the basis of the materials of child's burials of the Pervomaysky VII burial ground. The analysis of funeral set allowed to reveal three key age stages: up to 5 years, 5–12 years and over 12 years. There is emphasized the interpretation of funeral set as the marker of changing the social status within these periods.*

**Keywords:** early Sarmatian society, initiation, transitional rite, Pervomaysky VII burial ground, child's burial, socialization.